

УДК 94(575.2)

ПАРТИЙНАЯ ВЛАСТЬ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В 60-80-е гг. XX в.

С.В. Плоских

Статья посвящена вопросам взаимоотношений власти и интеллигенции в 60-80-е гг. XX в. и роли Т. Усубалиева в них.

Ключевые слова: интеллигенция; власть; Т. Усубалиев; гуманитарные науки; партийное руководство.

PARTY AUTHORITIES AND INTELLECTUALS IN THE 1960s–1980s

S.V. Ploskih

The article is devoted to the issues of relations between the authorities and the intellectuals in the 1960s–1980s and the role of T. Usubaliev there.

Key words: intellectuals; authority; T. Usubaliev; humanities; party leadership.

Интеллигенция является отражением эпохи, в которой она живет. Советский период – ярчайшее тому подтверждение. Различные периоды советского времени нашли свое отражение и в специфических особенностях интеллигенции.

Октябрьская революция 1917 г. уничтожила сословность, разделявшую общество на народ и элиту. Культурные преобразования за два десятка лет позволили преодолеть цивилизационный разрыв в повседневной жизни миллионов людей. В чрезвычайно короткий срок материальные возможности людей перестали быть существенным барьером между ними и культурой, приобщение к ней значительно меньше стало зависеть от социального статуса людей. И по масштабу, и по темпам эти изменения на самом деле можно считать общенародной культурной революцией. Разумеется, сыны чабанов и дехкан не могли в одночасье стать горожанами и стопроцентными носителями «социалистической культуры», изрядно русифицированной силами партийного руководства. Храня в своем подсознании культуру и образ жизни своих предков, восприняв учение социализма, кыргызские интеллигенты той поры воплощали собой «пролетарский интернационализм».

«Хрущевская оттепель» положила конец страху перед арестами. Но привычный для советского интеллигента трепет перед властью не исчез. Он приобрел новые формы. Видоизменились и способы воздействия власти на интеллигенцию, остав-

шись в рамках командно-административной авторитарной системы.

После XX съезда КПСС, поставившего точку в истории эпохи «культ личности» Сталина, наверняка любой кыргызский партийный и государственный служащий того времени испытал настоящий шок. Еще вчера преследуемая когорта интеллигентов была признана властью. Тому свидетельством – вышедшее 15 августа 1956 г. постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о присуждении ряду жертв репрессий Ленинских премий, за достижения в интеллектуальных сферах [1, с. 136–139].

К 50-м годам XX в. политическая элита Кыргызстана отличалась наработанными годами готовностью к самым неожиданным поворотам. Психологический портрет типичного функционера тогдашней власти в Киргизской ССР характеризовался двумя чертами: искренней преданностью Компартии и готовностью исполнять ее приказы, порой идущие вразрез с базовыми идеологическими установками марксизма. Говорит ли это об отсутствии принципиальности? Скорее нет. Есть масса свидетельств проявления высоких моральных качеств ряда лидеров коммунистической партии. Нельзя назвать этих людей и неспособными критически мыслить исполнителями.

В период частичной реставрации традиций сталинизма (60–80-е гг.) состав партийных работников существенно отличался от состава рядов их предшественников во времена Сталина. Малооб-

разованных партократов, в основной своей массе выходцев из пролетарско-крестьянских слоев, сменили люди той же социальной формации, но уже имеющие высшее техническое либо гуманитарное образование.

О достаточно высоком образовательном цензе партийных чиновников того времени свидетельствует фрагмент доклада Т. Усубалиева, зачитанного им на проходившем 29 мая 1980 г. одном из Пленумов ЦК КП Киргизии. По приведенным докладчиком данным, в номенклатуре ЦК в то время насчитывалось «около 94 % работников, имеющих высшее образование, более 65 % из них – это специалисты промышленности, строительства, транспорта и сельского хозяйства. Из общего количества номенклатурных работников обкомов, горкомов и райкомов партии более 74 % имеют высшее образование, 51 % – специалисты промышленности и сельского хозяйства. Возросло число партийных работников, имеющих высшее партийно-политическое образование» [2, с. 7–11, 20].

У многих партийных функционеров во времена репрессий выработалась привычка к двойной морали, но в их среде было немало достойных и честных людей.

Пример, как сохранить целостность личности в условиях метаморфоз политической системы, является собой одна из самых значимых политических фигур XX в. – бывший первый секретарь Компартии Киргизской ССР Турдакун Усубалиев. Будучи правнуком представителей киргизской дореволюционной знати, потомком легендарного манап-бия, этот политик (вполне в традиции партийных функционеров его поколения), и поныне подчеркивает свое «пролетарское» происхождение [3]. Начал Т.У. Усубалиев свое восхождение на советский олимп, возглавив Фрунзенский горком партии. Будучи выдвиженцем другого известного политика Исхака Раззакова, в 1961 г. был избран первым секретарем ЦК Компартии Киргизии. На этом посту находился до ноября 1985 г. В СССР ни один руководитель Компартии союзной республики не избирался на данную должность на столь продолжительный срок – почти четверть века.

Именно в период с 1961 до середины 1980-х гг. большинство киргызстанцев, по крайней мере, субъективно чувствовали себя стабильно и комфортно в составе Союза советских республик. Если же оперировать фактами, можно убедиться в планомерном развитии местной национальной культуры и ее носителей – интеллигенции, экономики и институтов государственной власти.

В период 1960 – 1980-х гг. были построены знаковые архитектурные достопримечательности Кыргызстана – здание Национальной академии на-

ук, Белого дома, драмтеатры, музей изобразительных искусств, Центральная библиотека, ЦУМ «Айчурек», цирк, строились жилые дома, разрастались микрорайоны. Введены в эксплуатацию аэропорты «Манас» в Бишкеке, в Оше, Ляйляке, Нарыне и Караколе. Республика работала и на космическую промышленность – именно киргизские ученые спроектировали знаменитый агрегат «Луна-24», который взял грунт с поверхности Луны.

Так, с позиции внешнего наблюдателя, выглядел прогресс Киргизской ССР той поры. При попытке же проследить тогдашние взаимоотношения интеллигенции и власти изнутри – по материалам ряда архивных документов, видится и другая картина. Судя по всему, стиль отношений госчиновников к творческой и научной элите мало изменился со времени тоталитаризма. Перемена состояла, главным образом в том, что представители интеллигенции перестали ощущать на себе угрозу арестов, хотя по-прежнему должны были выполнять обязанности «слуги авангарда – рабочего класса».

Миновали времена преследований генетиков, кибернетиков и прочих последователей «буржуазной науки», но наука по-прежнему оставалась под неусыпным вниманием партии. Под влиянием времени диалог представителей власти с учеными шел в более конструктивном русле. Будучи прагматиком и рачительным хозяином, Усубалиев прекрасно понимал, какое значение имеют научные разработки для развития экономического потенциала республики. Потому неоднократно подчиненные в своих докладных, подчеркивали меры оптимизации работы научных учреждений.

Что немаловажно, руководство республики уделяло немало внимания сотрудничеству киргизских ученых с коллегами из Москвы. В постановлении ЦК КП Киргизии «О приглашении группы ученых Академии наук СССР» предписано: «Принять предложение о приглашении группы ученых АН СССР для оказания помощи Академии наук Киргизской ССР по вопросам повышения эффективности организации научных исследований и подготовки научных кадров» [4, с. 19].

Правда во взаимоотношениях ученых с властью в период Усубалиева была видна закономерность, характерная для более раннего, сталинского периода советской истории. Руководство страны больше всего контролировало представителей гуманитарных наук. Власть, как правило, не вмешивалась в содержание изысканий физиков, химиков, математиков. Историки и другие гуманитарии в первую очередь подвергались критике, а все научные исследования должны были проводиться исключительно марксистскими методами. Вообще, литература и история были объектом самого

пристального внимания кыргызстанских партийных чиновников времен «развитого социализма». В 1971 г. был изъят из библиотек и продажи весь тираж выпущенного в сентябре 1970 г. стихотворного сборника поэта Аалы Токомбаева «Момия» за то, что туда вошли некоторые стихотворения, написанные автором во время его ареста по ложному политическому делу. Изъятие произошло в соответствии с постановлением ЦК КП Киргизии об ошибках в сборнике стихов «Момия», выпущенном издательством «Кыргызстан». Как подчеркнул автор документа Т. Усубалиев, в стихотворный сборник вошли «... наряду с поэтическими произведениями, проникнутыми гражданским пафосом, идеями советского патриотизма и дружбы народов, отдельные, в идейно-художественном отношении ущербные, *натуралистические* (выделено авт.) стихи» [5, с. 19]. К слову, А. Токомбаев вскоре после изъятия тиража книги принес партчиновникам свои покаяния о «политически неграмотных» произведениях, что и было зафиксировано в постановлении: «Принимая во внимание чистосердечные признания г. Токомбаева о допущенной им серьезной ошибке и его заявление о том, что он в дальнейшем будет с чувством более высокой партийной ответственности относиться к своему творчеству, ограничиться настоящим обсуждением на бюро ЦК».

Разбор подобных же «ошибок» Компартия периодически проводила и в сфере исследовательской деятельности научной интеллигенции. Вполне в традициях сталинизма, партийные чиновники советской Киргизии 1960 – 1980-х гг., порой, критиковали исследователей за то, что они осмеливались освещать некоторые факты истории, не сверяя их с мнением классиков марксизма-ленинизма. Именно в этом ключе Т. Усубалиев раскритиковал работы некоторых кыргызстанских историков, на совещании партактива в 1972 г. Два года спустя тезисы, где содержится такая критика, были изданы отдельной брошюрой в Москве. В этой книге Т. Усубалиев в частности указывает: «Отмечая особую роль общественных наук в формировании марксистско-ленинского мировоззрения, в интернациональном воспитании трудящихся, приходится заметить, что отдельные обществоведы республики допускали серьезную ошибку в толковании известного ленинского положения о праве наций на самоопределение. Так, доктор юридических наук, профессор К.Н. Нурбеков выступил со статьей, в которой трактует этот вопрос объективистски, абстрактно, без учета конкретных общественно-исторических условий, отрывает национально-освободительный аспект от социально-классового» [6, с. 57]. Таковую реакцию лидера республиканской

Компартии вызвало следующее суждение ученого: «Может случиться и случается, что выдвижение представителями той или иной нации требования об отделении противоречит общим интересам борьбы за демократию и социализм. Бывает, что требование о социалистическом самоопределении будет противоречить и интересам нации, от имени которой выдвигается это требование. Даже в этом случае никто не имеет права насильственно вмешиваться во внутреннюю жизнь и силой «исправлять» ее ошибки».

Одернув ученого за то, что его статья, содержащая «ошибочную трактовку положения о праве наций на самоопределение», вышла в период, «когда трудящиеся нашей страны в обстановке большого подъема готовились торжественно отметить пятидесятилетие образования СССР», автор критики даже заподозрил в выводе Нурбекова влияние идеи «буржуазного национализма»: «Вольно или невольно эти рассуждения перекликаются с буржуазной националистической пропагандой, проявляющей в настоящее время особый интерес к «суверенитету», «праву», «независимости» советских республик» [6, с. 58]. Было даже специальное постановление ЦК КП Киргизии от 1 сентября 1972 г. «О серьезных ошибках в работе профессора Нурбекова К.». Как указано в документе, исследователь «... абсолютизирует право наций на самоопределение, отрывает национально-освободительный аспект этого вопроса от социально-классового, совершенно умалчивает, что вопрос о праве наций на самоопределение в каждом конкретном случае решается с точки зрения интересов рабочего класса, трудящихся масс, борьбы за демократию и социализм. Автор упускает из виду, что только такое решение вопроса способствует объединению, сближению и укреплению братской дружбы народов, теснейшему сплочению их в единую интернациональную общность». Этот эпизод обнаруживает тот факт, что отношение партийного руководства к истории практически не изменилось со времен Сталина. Он, как и его последователи в 1960–1980-е гг., не видели ценности в исторических исследованиях как таковых, рассматривая их лишь в качестве подспорья для оправдания своего политического курса.

За нежелание смотреть на исторические факты обязательно сквозь призму методологии марксизма, досталось и другому историку, В.М. Плоских: «Не всегда правильно в ряде работ освещается история киргизского народа в период вхождения Киргизии в состав России. Например, в книге В.М. Плоских «У истоков дружбы (издательство «Кыргызстан», 1972) возникновение и развитие дружеских связей русского и киргизского народов

в XIX веке рассматривается не с точки зрения социально-экономических причин, а с позиций личных пожеланий царских чиновников, киргизских феодалов. Такой подход, конечно, нельзя считать научным, марксистско-ленинским» (6, с. 59–60). Здесь заметна черта, характерная для партийных идеологов того времени: отождествляя доктрину марксизма-ленинизма в истории с научным подходом вообще, партюкраты не считали другие точки зрения научными. Основываясь же на марксистском положении о том, что исторические события обусловлены лишь социально-экономическими причинами, критик нивелирует роль личности в истории. Впоследствии Турдакун Усубалиевич, вероятно, изменил свое мнение в этом вопросе, поскольку в более позднем издании той же работы, помещенной в 2008 г. в его сборник «Избранные речи и статьи» [7], отсутствует отрывок, содержащий критику книги В.М. Плоских (выпад в адрес Нурбекова сохранен).

В другой своей работе, изданной уже в 2003 г., он снова повторил критику некоторых отечественных историков: «Отдельные научные работники, увлекаясь натуралистическими подробностями, искаженно освещали дореволюционное прошлое киргизского народа. Подобного рода ошибки допускались в работе зав. Сектором Института истории АН Киргизской ССР Усенбаева и в работах других историков о национальных движениях в Киргизии в конце XIX – начале XX веков. И в свое время ЦК Компартии Киргизии дал этим ошибкам принципиальную оценку» [8, с. 564].

Под пристальным вниманием находился и другой фланг идеологического фронта – искусство и культура. В этом смысле показательным постановлением ЦК КП Киргизии «О серьезных недостатках в руководстве развитием кинематографии в республике». Квалифицируя пассивность партторгов киностудии как «преступную беспринципность», центральный орган Компартии подчеркивал: «Занимая беспринципную позицию в вопросах идейного содержания кинопроизводителей, Комитет (по кинематографии при Совете Министров Киргизской ССР) этот важнейший участок работы по существу пустил на самотек, отдал на откуп отдельным режиссерам» [9, с. 18–25].

Этот факт, вполне обычный в условиях тоталитарной системы, выглядел уже курьезом в изменившейся культурно-идеологической обстановке. Например, в постановлении ЦК КП Киргизии «Об итогах работы VII съезда писателей Киргизской ССР от 20 июля 1981 года» подчеркнута «необходимость всемерно повышать ответственность писателей перед народом, проявлять больше ответственности к идейно-художественному качеству

создаваемых произведений, с классовых, марксистских позиций давать оценку происходящим в обществе процессам» [10, с. 182].

Компартия патронировала искусство, указывая на необходимость «...Обеспечить дальнейший рост мастерства творческой интеллигенции, направляя ее усилия на создание высококачественных произведений литературы искусства» [11, с. 100–112]. На этом фоне трогателен факт, что порой функционеры как бы одергивали сами себя, отмечая, что «... Партия чутко относится к творчеству советской интеллигенции, **резко выступает против администрирования** (выделено авт.)». Но тут же спохватывались: «В то же время она не может быть безразличной к деятельности наших творческих работников. Воспитательная работа партийных организаций в каждом коллективе должна помочь творческим работникам, чтобы их произведения своей идейностью и художественностью еще больше побуждали людей к активной творческой деятельности» [12, с. 12, 13, 15, 18–24, 26].

За два рассматриваемых нами десятилетия ЦК КП Киргизии чаще всего направляло свои директивы именно в адрес интеллигенции. Курируя съезды работников кинематографии, Компартия нередко позволяла себе понукать сценаристов, активно вмешиваясь в их творческий процесс. Например, авторы постановления ЦК КП Киргизии «О работе киностудии «Киргизфильм» от 20 июня 1962 года» шельмуют ее парторганизацию за то, что та «... не проявляет настойчивости в устранении недостатков в работе студии, слабо осуществляет контроль над деятельностью администрации, мало интересуется работой творческой секции, не внимает в вопросы подготовки и расстановки кадров». В документе также предписано: «Осудить практику запуска в производство фильмов по слабым, недоработанным киносценариям, повысить требовательность к идейно-художественным качествам сценариев с тем, чтобы каждый фильм стал важным событием в идейной жизни республики» [13, с. 182]. Несмотря на запрет, вернее вопреки ему, интеллигенция Кыргызстана сумела сохранить внутренний мир духовности. Так сохранился А. Токомбаев, так появился Ч. Айтматов, так появилось знаменитое «Киргизское чудо» – качественный скачок в отечественном кинематографе 1960–1980-х гг.

Партийные и советские руководители Кыргызстана 1960–1980-х гг. недалеко ушли от своих предшественников по части диалога с работниками науки, сферы образования и искусства. По-прежнему действовало негласное правило: любая политическая акция центральной власти, особенно когда речь шла о борьбе с «уклонами» в партии

и созвучными им веяниями в культуре и искусстве, должна продолжаться в виде аналогичных мер в каждой из союзных республик.

Между тем, снятый по инициативе Н. Хрущева прессинг страха перед тотальными репрессиями, не стимулировал изменения тона и стиля партийного руководства. Очевидно, в том кроется одна из причин, по которой впоследствии курс на демократизацию постепенно был свернут и страна вновь откатилась к тоталитарной системе правления. Практичный же Т. Усубалиев успешно пережил смену политического курса. Кыргызстан в течение многих лет продолжал оставаться сравнительно благополучной, в меру процветающей республикой. О процессах, подспудно происходивших в это время в стране, можно судить по событиям последующей «перестроечной» второй половины 1980-х и лихих девяностых, когда именно интеллигенция была авангардом борьбы за демократизацию общества. Но здесь уже проявились новые ее черты: переход от безусловной поддержки власти к созданию оппозиционных движений и партий. Созидательная направленность вскоре переродилась в иждивенчество, возрождение трайболизма, разрушение духовности.

В 60–80-е гг. Кыргызстан превратился в одну из наиболее развитых индустриально-аграрных республик СССР, окрепла производственная интеллигенция, налицо прогресс и во многих областях науки и искусства, особенно в художественной литературе и кинематографии.

Тотальный контроль над идеологией возымел обратный эффект. Подспудно зревшее многие годы недовольство советской властью, постепенная девальвация ее моральных императивов привела в ито-

ге к возрождению наиболее реакционных, даже архаичных стереотипов массового сознания. И в этом также немалая доля вины новой интеллигенции.

Литература

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. Т. 9. М., 1986.
2. ЦГА ПД КР. Ф. 56. Оп. 222. Д. 5. Л. 7–11, 20.
3. *Тимирбаев В.* Интервью с руководителем Советской Киргизии на посту первого секретаря ЦК Компартии Киргизской ССР (занимал этот пост с 1961 по 1985 годы). Подготовлено по случаю 90-летнего юбилея Т. Усубалиева / В. Тимирбаев // Слово Кыргызстана. 2009. 23 сентября.
4. ЦГА ПД КР. Ф. 56. Оп. 5. Д. 1505. Л. 19.
5. ЦГА ПД КР. Ф. 56. Оп. 179. Д. 63. Л. 19.
6. *Усубалиев Т.* Интернациональное воспитание трудящихся. Идеологическая работа: опыт, проблемы / Т. Усубалиев. М., 1974.
7. *Усубалиев Т.У.* Избранные речи и статьи. Книга 1 / Т.У. Усубалиев. Бишкек, 2008.
8. *Усубалиев Т.У.* О нашем времени и о делах моей жизни. Только хорошо зная прошлое, можно создать настоящее, предвидеть будущее / Т.У. Усубалиев. Бишкек: Шам, 2003.
9. ЦГА ПД КР. Ф. 56. Оп. 155. Д. 36. Л. 18–25.
10. Там же. Оп. 5. Д. 1447. Л. 182.
11. Из постановления VII Пленума ЦК Компартии Киргизии «Об итогах июньского (1963 г.) Пленума ЦК КПСС и задачах партийных организаций Киргизии». ЦГА ПД КР. Ф. 56. Оп. 4. Д. 1378. Л. 100–112.
12. Из доклада Турсунова А.Д., заведующего Отделом пропаганды и агитации ЦК КП Киргизии на Объединенном пленуме творческих союзов Кирг. ССР от 28 января 1969 г. ЦГА ПД КР. Ф. 56. Оп. 168. Д. 117. Л. 12, 13, 15, 18–24, 26.
13. ЦГА ПД КР. Ф. 56. Оп. 4. Д. 1345. Л. 182.